

оригинальная статья

Особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья

Микляева Анастасия Владимировна
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Кайипбекова Испаният Устархановна
Нижевартовский государственный университет, Россия,
Нижевартовск
<https://orcid.org/0000-0001-6446-6852>
ispalpatin@gmail.com

Поступила в редакцию 28.05.2022. Принята после рецензирования 24.06.2022. Принята в печать 04.07.2022.

Аннотация: Цель – определить особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья. Анализ работ, посвященных психологическим особенностям народов Центральной Азии и Закавказья, позволил установить их общие черты – семейственность, патриархальность и т. д., но не специфику виктимного поведения подростков. Методы: Методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова), Опросник ролевой виктимности (М. А. Одинцова), методы вариационной статистики, корреляционный анализ. Выборка – 122 подростка, обучающихся в школах ХМАО-Югры, из семей мигрантов: 60 – Закавказья, 62 – Центральной Азии. Подростки стран Закавказья более склонны к агрессивному, саморазрушающему и самоповреждающему поведению, Центральной Азии – к некритичному и реализованному типу виктимного поведения. Для подростков из стран Закавказья характерна реализация игровой роли жертвы, для подростков из Центральной Азии – социальной роли жертвы. Для виктимного профиля подростков из Закавказья характерна прямая взаимосвязь между склонностью к реализации игровой роли жертвы и активному виктимному поведению; прямая взаимосвязь между склонностью к реализации игровой роли жертвы и агрессивному типу виктимного поведения; обратная взаимосвязь между социальной ролевой виктимностью и пассивным типом виктимного поведения. У подростков из Центральной Азии обнаружена статистическая значимость взаимосвязей между социальной ролью жертвы и пассивным типом виктимности; кроме того, выявлена обратная взаимосвязь между социальной ролью жертвы и склонностью к активному типу виктимного поведения.

Ключевые слова: виктимность, ролевая виктимность, социальная роль жертвы, игровая роль жертвы, подростки из семей мигрантов

Цитирование: Микляева А. В., Кайипбекова И. У. Особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 525–532. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-525-532>

full article

Victimization in Young Migrants from Central Asia and Transcaucasia

Anastasia V. Miklyaeva
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Russia, St. Petersburg
<https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Ispaniyat U. Kaiipbekova
Nizhnevartovsk State University, Russia, Nizhnevartovsk
<https://orcid.org/0000-0001-6446-6852>
ispalpatin@gmail.com

Received 28 May 2022. Accepted after peer review 24 Jun 2022. Accepted for publication 4 Jul 2022.

Abstract: The present research featured the psychological characteristics of the young people who migrated from Transcaucasia and Central Asia. These two groups proved to share such aspects as nepotism and patriarchy, but the specifics of victim behavior were different. The psychodiagnostics tools included O. O. Andronnikova's methodology for victim behavior propensity and M. A. Odintsova's questionnaire of role victimization. The study sample consisted of 122 teenagers from families that came to Russia from Transcaucasia (60 people) and Central Asia (62 people). All the respondents studied in schools of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (Yugra). Teenagers from Transcaucasia were more prone to aggressive, self-destructive, and self-harming behavior, while those from Central Asia were more prone to uncritical and realized type of victim behavior. Teenagers from Transcaucasia assumed the play role of a victim, while students from Central Asia assumed the social role of the victim. The victim profile of teenage migrants from Transcaucasia was characterized by a direct relationship between the propensity to realize the victim play role and active victim behavior; a direct relationship between the propensity to realize the victim play role and aggressive type of victimization the inverse relationship between social victimization role and passive type of victim

behavior. Teenagers from Central Asia demonstrated the statistical significance of the relationship between the social role of the victim and the passive type of victimization. In addition, the study revealed an inverse relationship between the social role of the victim and the propensity for an active type of victim behavior.

Keywords: victimhood, role victimhood, victim's social role, victim's playing role, teenagers from migrant families

Citation: Miklyaeva A. V., Kaiipbekova I. U. Victimization in Young Migrants from Central Asia and Transcaucasia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 525–532. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-525-532>

Введение

В настоящее время образовательное пространство российских школ включает в себя представителей различных культур и этносов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г.¹, на территории РФ проживает более 190 народов. Необходимость постоянного взаимодействия носителей разных культур, традиций, стереотипов поведения, ценностей порождает риски возникновения конфликтных ситуаций, насилия, травли, отмены, в результате чего одна из сторон неизбежно будет являться жертвой. Так как необходимость адаптации требует от детей из семей мигрантов мобилизации значительных ресурсов для решения повседневных задач, преодоление конфликтных ситуаций и дополнительного давления может привести к изоляции, замкнутости, избеганию взаимодействия со сверстниками и, как следствие, виктимизации.

Проблема особенно актуальна у подростков, поскольку для них характерно изменение акцентов во взаимоотношениях с внешним миром, формирование системы ценностей, развитие рефлексии. Большое значение для подростка имеет качество взаимоотношений со сверстниками. В процессе общения он учится различным формам взаимодействия, учится анализировать свои и чужие поступки, контролировать эмоции [1]. Т. В. Снегирева и О. И. Блинецова отмечают, что именно в подростковом возрасте личностную значимость приобретает общение со сверстниками и необходимость выстраивания отношений с ними. Меняется содержание ведущей деятельности подростка – познавательные интересы сменяются мотивами социальной вовлеченности. В данный возрастной период ребенку предстоит разрешить коренное противоречие, заключающееся в необходимости быть признанным при отсутствии знаний и средств для достижения данной цели [2]. Психическое развитие ребенка во многом определяется социальной ситуацией развития [3], которая у подростков из семей мигрантов и обычных семей имеет значительные различия, что связано с тем, что подростки из семей мигрантов находятся в новой, незнакомой, чужой культуре [4].

Существенным вопросом остается изучение психологических особенностей подростков из семей мигрантов в новой культурной среде через рассмотрение и анализ специфики

развития подростка. Возникновение таких новообразований, как чувство взрослости [4], развитие самосознания и Эго-идентичности [5], потребность в самосовершенствовании в значимой деятельности, предполагает, что подросток должен быть вовлечен в отношения с социумом, со сверстниками. Благоприятное психическое развитие в подростковом возрасте напрямую связано с возможностью установления контактов и активным включением в социальную жизнь в новой культурной среде. В данной ситуации подростки из семей мигрантов часто сталкиваются со сложным выбором: стремясь сохранить наследие собственной культуры и самобытности, подросток ощущает необходимость наладить связь и стать частью новой, другой культуры. Учитывая особенности многонациональной России, зачастую связи необходимо налаживать не с одной, а со многими культурами [6].

А. Л. Венгер и Ю. М. Десятникова выделили синдромы трудностей вхождения подростков мигрантов в новую культуру. В основу исследования лег анализ поведения и личностных особенностей подростков мигрантов из стран бывшего СССР, проживающих в Израиле. Трудности выражаются в замкнутости, семейной и групповой изоляции, социальной дезориентации, возникающей из-за неадекватного понимания социальных норм, в результате чего попытки интеграции в поликультурную образовательную среду оборачивается неудачей [7].

Особенности этнической социализации подростков связаны с повышением значимости мнения референтных групп сверстников. Так, при наличии противоречия между ценностями семьи и социума подростки из стран Азии, проживающие в Великобритании, были ориентированы главным образом на молодежную субкультуру как дополнительную сферу идентичности. Нахождение в полиэтнической среде способствует более ранней, чем обычно, актуализации самоопределения в этнической идентичности [6].

Несмотря на то, что дети и подростки становятся мигрантами не по собственной воле, по выражению Э. Эриксона, дети мигрантов становятся «культурными родителями» своих биологических родителей в новом обществе. Так как дети и подростки перенимают культурное наследие новой страны через учителей и воспитателей, т. е. через взрослых, которые

¹ О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.). Доклад. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html (дата обращения: 11.05.2022).

не являются соплеменниками, именно дети быстрее погружаются в новую культуру и перенимают ее особенности и нормы, транслируя их впоследствии своим родителям [8].

Новая культура может восприниматься подростком как иные горизонты возможностей, лечь в основу созревания, выступая в качестве развивающей среды, или может восприниматься как враждебная и наполненная ограничениями, отрицательно сказываясь на психологическом состоянии. Трактория развития подростка в новых социокультурных условиях может быть крайне вариативной [6].

А. В. Мудрик отмечает, что в результате противоречий, возникающих в процессе социализации, происходит нарушение адаптации и усиливается отстраненность, что потенциально способствует превращению личности подростка-мигранта в жертву [9]. Изучая особенности виктимного поведения и факторы, обуславливающие его происхождение, исследователи отмечают различие формирования данного поведения в разных возрастах. Первостепенное значение при анализе онтогенетического развития ребенка придается особенностям семейного воспитания, наличию психотравм, специфике его взаимоотношений с родителями, учителями и сверстниками [10; 11].

О. О. Андронникова отмечает особую роль подросткового возраста как начального этапа возникновения многих форм виктимности. Особенности семейных отношений, окружения сверстников, индивидуальные психофизиологические особенности, коммуникативные навыки подростка выступают в виде специфических факторов, содержательно наполняющих форму виктимного поведения [12].

У детей из семей мигрантов стресс, вызванный миграцией, может приводить к нарушению становления когнитивных процессов, социализации, межличностных отношений, самооценки. Исследователи подмечают глубокие изменения в видении мира, себя и своего будущего даже у совсем маленьких детей из семей мигрантов [8].

В нашем предыдущем исследовании было отмечено, что подростки из семей мигрантов, сталкиваясь с препятствиями, склонны к импульсивным, эмоциональным реакциям. Под влиянием эмоций подростки теряют способность к критическому анализу ситуации, поиску нестандартных решений, утрачивают самообладание, принимают решения, о которых впоследствии жалеют. По прошествии времени подростки способны к более объективному анализу произошедшего, способны признавать ошибки, отмечать альтернативные способы решения трудной ситуации [13].

Важной составляющей и итогом благополучной социализации подростка-мигранта выступает социальная адаптация, проявляющаяся в трех важных сферах: деятельности, общении и сознании. Но зачастую на процесс адаптации влияют не только личностные особенности подростка, но и особенности принимающей стороны [14].

Существует множество факторов, которые могут стать препятствием для успешной адаптации: дискриминация, языковые барьеры, различия в системах ценностей и т.д. Авторы теории сегментной ассимиляции указывают на то, что ассимиляция происходит различным образом в разных группах мигрантов. Ассимиляция может пройти очень травматично или быстро и вполне успешно. По мнению исследователей, успешность ассимиляции зависит как от личных качеств человека, так и от условий окружающей его среды [14].

Следует отметить, что население России состоит из более 190 этнических групп. То есть только те народы, для которых Россия является родиной, уже создают значительное культурное и языковое разнообразие [15]. При этом мигранты, проживающие в стране (азербайджанцы, армяне, таджики, узбеки, украинцы, белорусы и т.д.), зачастую имеют различную культурную дистанцию по отношению к принимающему населению. К примеру, она значительно больше для мигрантов из Центральной Азии и Закавказья в связи с различиями в культуре, языке, обычаях. Кроме того, мигранты, прибывшие из Азербайджана, Армении, Таджикистана, Узбекистана и т.д., воспринимаются как единая группа наравне с внутренними мигрантами с Северного Кавказа (дагестанцами, чеченцами, ингушами и т.д.), в то время как мигранты из Украины, Белоруссии относятся принимающей стороной к другой группе [16]. Другими словами, для значительной части населения все мигранты из Центральной Азии и Закавказья предстают в едином образе абстрактного мигранта, без учета специфических различий между данными группами [17]. А. Montreuil, R. Y. Bourhis в своем исследовании указывали на то, что население принимающей страны имеет определенные предрассудки в отношении мигрантов, объединяя их в большие группы и игнорируя специфические особенности, характеризующие каждый отдельный этнос [18].

Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко и Дж. Берри установили, что вероятность взаимных конфликтов между мигрантами и принимающей стороной увеличивается в случае, если мигранты вынуждены выбирать между полноправным членством в принимающем обществе и возможностью поддерживать связь с родной культурой. Напротив, имея возможность поддерживать двойную связь, т.е. иметь контакты с представителями обеих культур, мигранты проявляют большее желание включаться в межкультурные связи. Для мигранта критически важно иметь возможность обозначать свою этническую и культурную принадлежность (в языке, одежде, праздниках, соблюдении обычаев и традиций и т.д.) [15].

Согласно докладу о миграции в мире 2020 г.², в 2019 г. на территории РФ проживало чуть менее 5 млн мигрантов, родившихся в Центральной Азии, и около 5,5 млн мигрантов

² Доклад о миграции в мире 2020. Женева, Швейцария: Международная организация по миграции. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 11.05.2022).

из стран Закавказья. Выходцы из Украины и Белоруссии также составляют большое число мигрантов на территории РФ, тем не менее, в связи с тем что культуры данных стран во многом близки как между собой, так и с культурой РФ, их адаптация проходит менее сложно.

В культурах народов Закавказья и Центральной Азии по сей день господствует патриархат, превозношение мужчины как продолжателя рода. Для культур Кавказа характерна радикальность, аффективное, чрезмерное реагирование на происходящее, демонстрация чувств. Для них свойственно прибегание к силовым, радикальным способам решения конфликтов, культ силы имеет огромное значение [19].

Для азербайджанцев характерна ориентация на мнение общины, семьи. Семья как ресурс для них превышает ценности государственности и национального самоопределения. Сами азербайджанцы считают своими главными качествами терпеливость, терпимость, толерантность. Отмечается их способность быстро адаптироваться к новым условиям, даже если они являются неблагоприятными. При этом, приспосабливаясь к жизни в разных странах, присвоению чужеродных инноваций, азербайджанцы столетиями сохраняют собственную ментальность [20].

Г. И. Морева и Г. М. Курдогян установили такие особенности армян, как чуткое отношение к близкому, заботливость, готовность прийти на помощь, обнаруживается взаимозависимость членов армянской общины друг от друга, большое значение придается достижению чувства безопасности, соблюдению внутригрупповой иерархии [21]. Г. А. Погосян описывает основы, составляющие фундамент самосознания армянского народа: выживание и жертвенность [22].

Узбеки терпеливы к тяготам, чутки в оценке окружающих, в значительной мере ориентируются на мнение семьи, склонны следовать традициям общины даже за пределами родной страны. Сдержанны в проявлении чувств, но в то же время доброжелательны и открыты. Склонность избегать яркого проявления чувств может трактоваться как замкнутость и стеснительность, необщительность. В какой-то мере узбеки действительно склонны к настороженному отношению к представителям других культур, особенно к выходцам из Закавказья и Северного Кавказа [23].

М. М. Мишина и К. А. Воробьева отмечают, что у респондентов из Узбекистана обнаружена большая склонность к социально-желательным ответам в сравнении с россиянами. Это может быть обусловлено спецификой культуры, ценностей, стандартов поведения. Кроме того, у узбекских подростков преобладает стратегия избегания проблемных ситуаций [24].

Таджики обладают такими качествами, как коллективизм, традиционализм, ориентация на общественное мнение, гуманизм, терпимость, почитание семьи и ее традиций, культура стыда перед общиной за нарушение ее порядков (нангу номус). Коллективизм является не просто предпочтительным, а обязательным. Проявления индивидуализма не приветствуются, т. к. могут привести к нарушению установленного порядка [25].

Обзор исследований, определяющих психологические особенности народов Центральной Азии и Закавказья, позволил установить, что большую часть составляют этнографические, религиозные, философские и социально-направленные работы. Они сфокусированы на общих чертах национального характера. Тем не менее из них можно сделать вывод, что существуют как общие для данных народов черты – ориентация на семью и общину, коллективизм, традиционализм и патриархальность, – так и отличительные. Кавказцы склонны преувеличивать и акцентировать свои эмоции, решать вопросы силой, азиаты же сдержанны и склонны к избеганию прямых конфликтов. Таким образом, имеющиеся исследования не позволяют установить специфику виктимного поведения подростков стран Закавказья и Центральной Азии.

Методы и материалы

На основании анализа законодательства Российской Федерации, зарубежной и отечественной социальной практики, психологических исследований по проблемам образования и адаптации детей иностранных граждан нами были определены критерий и показатель идентификации семей мигрантов, которые были положены в основу определения выборки испытуемых – наличие гражданства Российской Федерации.

Выборку исследования составили 122 подростка, обучающихся в школах ХМАО-Югра из семей мигрантов: Азербайджана (48 человек), Армении (12), Таджикистана (24), Узбекистана (38).

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе при помощи методики «Исследование склонности к виктимному поведению» [26] выявлялась степень выраженности склонности подростков из семей мигрантов к следующим видам виктимного поведения:

- агрессивный виктимный (агрессивный тип потерпевшего);
- самоповреждающий и саморазрушающий (активный тип потерпевшего);
- гиперсоциальный (инициативный тип потерпевшего);
- зависимый и беспомощный (пассивный тип потерпевшего);
- некритичный (некритичный тип потерпевшего);
- реализованная виктимность.

На втором этапе использовался опросник «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой, Н. П. Радиковой, позволяющий определить склонность личности к игровому и / или социальному типу жертвенного поведения [27].

Полученные эмпирические данные анализировались с использованием методов вариационной статистики, в ходе обработки результатов исследования использовались непараметрические статистические методы: коэффициент корреляции рангов Спирмена, χ^2 Пирсона [28]. Выбор непараметрических методов обусловлен отклонением эмпирического распределения от теоретически нормального.

Результаты

Изучение особенностей проявления виктимности у подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья при помощи χ^2 Пирсона (табл. 1) позволяет установить, что существуют достоверно значимые различия в склонности к определенным типам виктимного поведения у подростков из Закавказья и Центральной Азии ($\chi^2=12,4$; $p<0,05$).

Полученные результаты позволяют утверждать, что подростки из Закавказья более склонны к созданию конфликтных ситуаций, к вербальным и физическим провокациям. Склонность к реализации агрессивного виктимного поведения может привести к нарушению общепринятых норм, ценностей.

Саморазрушающее и самоповреждающее поведение (активный тип потерпевшего) предполагает жертвенность, которую личность провоцирует своей непосредственной активностью, и может выражаться как в причинении вреда себе посредством принятия необдуманных решений, так и в привлечении для этого другого лица через подстрекание, провокацию (как обдуманную, так и неосознанную). Такие подростки плохо осознают свои действия, испытывают сложности в прогнозировании их возможных последствий.

На следующем этапе работы были проанализированы особенности ролевой виктимности у подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии (рис.). Для подростков из Закавказья наиболее характерно проявление игровой роли жертвы (аутовиктимный тип жертвы).

Высокий уровень игровой роли жертвы говорит о готовности подростков при возникновении трудностей прибегать к помощи внешних ресурсов. Такие подростки непрерывно нуждаются в поддержке окружающих, ради чего готовы прибегать к манипуляциям, обману, преувеличению своих страданий и т. д. Также данные подростки склонны к инфантильности, бегству от ответственности, демонстративным страданиям. Для подростков Центральной Азии более характерно проявление социальной роли жертвы (виктимный тип личности). Такие подростки чувствуют себя

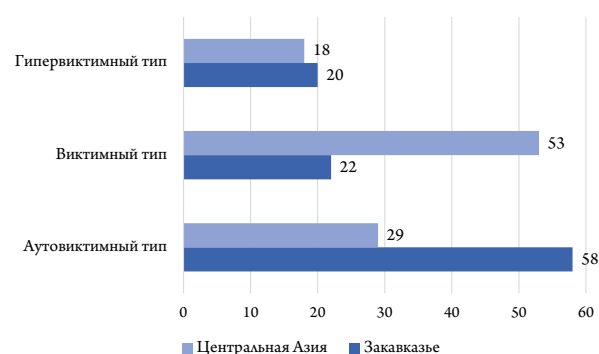

Рис. Распределение подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья по типам ролевой виктимности, %
Fig. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: types of victimization role, %

аутсайдерами, склонны к следованию установкам, стереотипам, навязанным извне. Данное свойство лишает подростков способности самостоятельно избавиться от роли жертвы, т. к. они уверены, что их активность не оказывает влияния на окружающую их действительность. Кроме того, ощущение собственной изолированности и статус отвергаемого провоцируют чувство неполноценности и приводят к еще большей отстраненности и изоляции.

Рассчитанное эмпирическое значение ($\chi^2_{\text{эмп}}=14,2$) (табл. 2) превышает минимальное критическое значение ($\chi^2_{\text{крит}}=6,0$). Полученные данные дают основание говорить о наличии достоверных различий ($p=0,001$) в проявлении склонности к ролевой виктимности подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии. Подростки из Закавказья склонны к следованию игровой роли жертвы, а подростки из стран Центральной Азии – к реализации социальной роли жертвы.

На следующем этапе работы был проведен анализ взаимосвязей показателей виктимности и ролевой виктимности у подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья (табл. 3).

Табл. 1. Распределение подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья по типам виктимного поведения

Tab. 1. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: types of victim behavior

Тип виктимного поведения	Закавказье		Центральная Азия		Общее число
	Абсолютное число	Относительное число	Абсолютное число	Относительное число	
Агрессивный	45	30	8	23	53
Активный	26	16	3	13	29
Инициативный	14	15	13	12	27
Пассивный	31	32	27	26	58
Некритичный	17	31	38	24	55
Реализованная виктимность	12	22	27	17	39
Итого	145 (56%)		116 (44%)		261 (100%)

Прим.: итогов превышает численность выборки, т.к. у одного и того же подростка может обнаружиться более одного типа виктимного поведения.

Табл. 2. Распределение подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья по типам ролевой виктимности

Tab. 2. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: types of victimization role

Типы виктимной личности	Закавказье		Центральная Азия		Общее число
	Абсолютное число	Относительное число	Абсолютное число	Относительное число	
Аутовиктимный тип	35	26	18	27	53
Виктимный тип	13	23	33	23	46
Гипервиктимный тип	12	11	11	12	23
Итого	60 (49%)		62 (51%)		122 (100%)

Табл. 3. Взаимосвязь показателей виктимности и ролевой виктимности подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии

Tab. 3. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: victimization indicators vs. victimization role

Тип виктимного поведения	Агрессивный тип		Активный тип		Инициативный тип		Пассивный тип		Некритичный тип		Реализованная виктимность	
	З	СА	З	СА	З	СА	З	СА	З	СА	З	СА
Ролевая виктимность	3	СА	3	СА	3	СА	3	СА	3	СА	3	СА
Социальная роль (виктимный тип)	0,11	0,10	0,15	0,12	0,18	0,22*	-0,24*	0,01	0,17	0,27*	0,01	0,13
Игровая роль (аутовиктимный тип)	0,26*	-0,17	0,22*	-0,22*	0,07	-0,10	-0,06	0,24*	0,06	0,01	0,03	0,18
Общая виктимность (гипервиктимный тип)	0,04	0,03	0,10	0,07	0,16	0,04	0,07	0,11	0,18	0,09	0,19	0,02

Прим.: * – $p=0,05$; З – Закавказье; СА – Центральная Азия.

Для виктимного профиля подростков из Закавказья характерно наличие статистически достоверных прямых взаимосвязей между склонностью к реализации игровой роли жертвы и активному ($r_x=0,22$, $p=0,05$) и агрессивному ($r_x=0,26$, $p=0,05$) типам виктимного поведения. Также обнаружена статистически значимая взаимосвязь между социальной ролевой виктимностью и пассивным типом виктимного поведения ($r_x=-0,24$, $p=0,05$). Особенности проявления виктимного поведения у подростков из Закавказья являются склонность к демонстративности, манипулятивности, перекалыванию ответственности, агрессивности. Данное поведение подростки гармонично вписывают в ситуации взаимодействия, добиваясь своего. Личности с таким профилем склонны идентифицировать себя с жертвой и опираться на внешние ресурсы для решения своих проблем через обман, манипулирование, агрессивное поведение. Несмотря на специфичность игровой роли жертвы, ее проигрывание способствует быстрой адаптации, т. к. подростки, реализующие ее, имеют экстернальный локус контроля, проявляют пластичность и способны определить, каким образом получить выгоду, могут убедить окружающих в том, что нуждаются в помощи и поддержке.

У подростков из Центральной Азии обнаружена статистическая значимость взаимосвязей между проявлением социальной роли жертвы и пассивным типом виктимности ($r_x=0,24$, $p=0,05$). Кроме того, выявлена обратная взаимосвязь между социальной ролью жертвы и склонностью к активному типу виктимного поведения ($r_x=-0,22$, $p=0,05$). Подростки из Центральной Азии следуют

предписанному статусу жертвы, играют роль отвергаемых, проявляют пассивность в борьбе с данным статусом. Они отказываются от решительных действий по освобождению от этого статуса в связи с тем, что мир видится враждебным, отталкивающим. Низкая самооценка, обидчивость, склонность к самобичеванию, ригидность усугубляют положение данных подростков, укореняя их жертвенное положение. Подростки виктимного типа сложно адаптируются в обществе, часто неверно трактуют происходящее.

Заключение

Принимающее население часто воспринимает мигрантов как единую группу с общими культурными, психологическими, языковыми особенностями без учета специфических различий между данными группами. Мигранты Центральной Азии и Закавказья имеют более значительную культурную дистанцию по отношению к принимающему населению в сравнении с мигрантами из Белоруссии, Украины, Молдавии. Подростки из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья сталкиваются с большим количеством предрассудков и оказываются перед выбором: полноправное членство в принимающем обществе или возможность поддерживать связь с родной культурой. В то же время именно поддерживая двойную связь, вовлекаясь в отношения с представителями обеих культур, мигранты имеют большие шансы к успешной социокультурной адаптации. Для мигранта настолько же важно иметь возможность обозначать свою этническую и культурную принадлежность, как и познавать и вовлекаться в новую для себя среду.

Общими для культур Закавказья и Центральной Азии являются господство патриархата, значимость мнения общины и семьи. Но для культуры Кавказа характерна радикальность, аффективное, чрезмерное реагирование на происходящее, яркое проявление эмоций, силовые способы решения конфликтов, культ силы. Для культур Центральной Азии свойственны умеренность, сглаживание конфликтов, сдержанность в эмоциональных проявлениях. Подростки из Азербайджана и Армении в большей степени, чем подростки из Таджикистана и Узбекистана, склонны к агрессивному и самоповреждающему виктимному поведению, т. е. подростки из Закавказья более склонны к созданию конфликтных ситуаций, к вербальным и физическим провокациям, принятию импульсивных решений.

Установлено наличие достоверных различий в проявлении склонности к ролевой виктимности подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии: первые склонны к следованию игровой роли жертвы, вторые – к реализации социальной роли жертвы. К особенностям проявления виктимного поведения подростков из Закавказья относятся склонность к демонстративности, манипулятивности, перекалыванию ответственности, агрессивности. Подростки, реализующие игровую роль жертвы, отличаются высокой адаптивностью, экстернальный локус контроля помогает им устанавливать

контакты и убеждать окружающих оказывать им помощь и поддержку. Подростки из Центральной Азии в большей степени склонны следовать предписанной социумом роли жертвы, они чувствуют себя отвергаемыми обществом, обладают низкой самооценкой, не проявляют активности в борьбе со статусом жертвы. Обидчивость, ригидность, пассивность усугубляют положение данных подростков. Тем не менее они отзывчивы, не склонны к манипулированию, зачастую излишне честны, склонны к справедливости.

Результаты исследования целесообразно учитывать при подготовке программ профилактики и коррекции виктимного поведения и дезадаптации подростков из семей мигрантов.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. М.: Юрайт, 2019. 460 с. [Obuhova L. F. *Age-related psychology*. Moscow: Iurait, 2019, 460. (In Russ.)]
2. Снегирева Т. В., Близнцова О. И. Возрастной аспект формирования способности к целеполаганию в контексте компетентностного подхода. *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2015. № 2. С. 63–81. [Snegireva T. V., Bliznetsova O. I. Considering age aspect when developing goal-setting ability in the context of competence approach. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2015, (2): 63–81. (In Russ.)]
3. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе. *Проблемы формирования личности: избранные психологические труды*. М.; Воронеж: МПСУ; МОДЭК, 2001. 352 с. [Bozhovich L. I. Stages of personality formation in ontogenesis. *Problems of personality formation: selected psychological works*. Moscow; Voronezh: MPSU; MODEK, 2021, 352. (In Russ.)]
4. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с. [Elkonin D. B. *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1989, 560. (In Russ.)]
5. Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996. 592 с. [Erikson E. G. *Childhood and Society*. Saint Petersburg: Lenato, AST, Universitetskaia kniga, 1996, 592. (In Russ.)]
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Акад. проект, 1999. 320 с. [Stefanenko T. G. *Ethnopsychology*. Moscow: IP RAS; Akad. proekt 1999, 320. (In Russ.)]
7. Венгер А. Л., Десятникова Ю. М. Групповая работа со старшеклассниками, направленная на их адаптацию к новым социальным условиям. *Вопросы психологии*. 1995. № 1. С. 25–33. [Venger A. L., Desiatnikova Yu. M. Group work with high school students aimed at their adaptation to new social conditions. *Voprosy Psichologii*, 1995, (1): 25–33. (In Russ.)]
8. Di Nicola V. F. Beyond Babel: family therapy as cultural translation. *International Journal of Family Psychiatry*, 1986, 7(2): 179–191.
9. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М.: Академия, 2013. 240 с. [Mudrik A. V. *Social pedagogy*. Moscow: Academy, 2013, 240. (In Russ.)]
10. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 607 с. [Stoliarenko A. M. *Extreme psychopedagogy*. Moscow: YUNITI-DANA, 2002, 607. (In Russ.)]
11. Андронникова О. О. Феномен социально-психологической депривации личности как основа виктимизации. *Сибирский педагогический журнал*. 2015. № 4. С. 130–135. [Andronnikova O. O. The phenomenon of social and psychological deprivation of the person as the basis of victimization. *Siberian Pedagogical Journal*, 2015, (4): 130–135. (In Russ.)]

12. Андронникова О. О. Психологическая модель генезиса индивидуальной виктимизации: детский, подростковый и юношеский возраст. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2019. № 2. С. 55–64. [Andronnikova O. O. Psychological model of the genesis of individual victimization: childhood, adolescence and youth. *The Herzen University Conference on Psychology in Education*, 2019, (2): 55–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-6>
13. Кайипбекова И. У., Гагай В. В. Жизнестойкость как основание преодоления трудных жизненных ситуаций подростками из семей мигрантов. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9. № 2. [Kaiipbekova I. U., Gagay V. V. Hardiness as the basis for overcoming difficult life situations by adolescents from migrant families. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2021, 9(2). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/33PSMN221.pdf> (accessed 11 May 2022).
14. Portes A., Zhou M. The new second generation: segmented assimilation and its variants. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 1993, 530(1): 74–96.
15. Лебедева Н. М., Татарко А. Н., Берри Дж. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте. *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N., Berry J. Social and psychological basis of multiculturalism: testing of intercultural interaction hypotheses in the Russian context. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, 37(2): 92–104. (In Russ.)]
16. Hagendoorn L., Drogendijk R., Tumanov S., Hraba J. Inter-ethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union. *International Journal of Intercultural Relations*, 1998, 22(4): 483–503. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(98\)00020-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(98)00020-0)
17. Дубров Д. И. Идеологии межгрупповых отношений и генерализованные предубеждения россиян в отношении мигрантов. *Социальная психология личности и акмеология: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 19–20 октября 2017 г.)*. М.: Пепо, 2017. С. 72–78. [Dubrov D. I. Ideologies of intergroup relations and generalized prejudice towards migrants by Russian population. *Social psychology of personality and acmeology: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 19–20 Oct 2017*, 72–78. (In Russ.)]
18. Montreuil A., Bourhis R. Y. Majority acculturation orientations toward "valued" and "devalued" immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, 32(6): 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
19. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с. [Soldatova G. U. *Psychology of interethnic tension*. Moscow: Smysl, 1998, 386. (In Russ.)]
20. Гулиев Г. Архетипичные азери: лики менталитета. Баку: Ени несил, 2002. 354 с. [Guliyev G. *Archetypal Azeri: faces of mentality*. Baku: Eni nesil, 2002, 354. (In Russ.)]
21. Морева Г. И., Курдоглыян Г. М. Особенности национального самосознания армян, проживающих в России и в Армении. *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10. № 3. С. 67–84. [Moreva G. I., Kurdoglyan G. M. Peculiarities of national identity of Armenians living in Russia and Armenia. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2019, 10(3): 67–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2019100305>
22. Погосян Г. А. Армянское общество в трансформации. Ереван: Лусабац, 2003. 459 с. [Pogosian G. A. *Armenian society in transformation*. Yerevan: Lusabats, 2003, 460. (In Russ.)]
23. Назаров А., Аvezов О. Формирование узбекского этноса. ПЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 2. С. 119–124. [Nazarov A., Avezov O. Formation of the Uzbek ethnos. *PEM: Psychology. Education. Medicine*, 2014, (2): 119–124. (In Russ.)]
24. Мишина М. М., Воробьева К. А. Психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению: на примере российских и узбекских подростков. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2020. № 4. С. 117–139. [Mishina M. M., Vorobyeva K. A. Psychological characteristics of teenagers prone to deviant behavior. On the example of Russian and Uzbek teenagers. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2020, (4): 117–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-4-117-139>
25. Урунова Х. У. Особенности таджикского менталитета как объект социально-философского анализа. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*. 2015. № 3. С. 42–47. [Urunova H. U. The peculiarities of Tajik mentality as an object of social-philosophical analysis. *Bulletin of Tajik state university of Law, Business and Policy. Series of Humanitarian Sciences*, 2015, (3): 42–47. (In Russ.)]
26. Андронникова О. О. Методика исследования склонности к виктимному поведению. ОБЖ: Основы безопасности жизни. 2014. № 7. С. 34–40. [Andronnikova O. O. Methodology for the study of propensity to victim behavior. *FLS. Fundamentals of Life Safety*, 2014, (7): 34–40. (In Russ.)]
27. Одинцова М. А. Типы поведения жертвы: диагностика ролевой виктимности. Самара: Бахрах-М, 2013. 160 с. [Odintsova M. A. *Types of victim behavior: diagnostics of victimization role*. Samara: Bakhrah-M, 2013, 160. (In Russ.)]
28. Благинин А. А., Торчило В. В. Математические методы в психологии и педагогике. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2006. 84 с. [Blaginin A. A., Torchilo V. V. *Mathematical methods in psychology and pedagogy*. St. Petersburg: LSU named after A. S. Pushkin, 2006, 84. (In Russ.)]